

ЯЗЫКЪ.
БРЫНСКІЙ ЛѢСТЬ.

ВВЕДЪ

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ГОДОВЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сочиненіе М. Загоскина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,

**Въ типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.**

1852.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

JUN 15 1994

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва, Іюля 6 дня,
1851 года.

Цензоръ Князь Львовъ.

Р63447
22 87
1852
v. 1
MAIN

~~836~~
~~218~~
~~614~~
~~1852~~
~~v. 1~~

ГЛАВА I.

7

Подъ самодержавнымъ и кроткимъ правленіемъ двухъ первыхъ Царей изъ рода Романовыхъ, отечество наше начинало уже забывать всѣ прошедшія свои страданія. Какъ торжествующій побѣдитель; едва не погибшій въ борьбѣ съ сильнымъ врагомъ, смотритъ съ гордостію — но также и съ невольнымъ трепетомъ, на свою грудь, покрытую изцѣлѣвшими ранами: такъ точно и святая Русь, съ внутреннимъ сознаніемъ своей силы, но вмѣстѣ и съ ужасомъ

М523212

вспоминала о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ ею во времена между-царствія. Въ послѣднія тридцать лѣтъ, благодаря твердому и мудрому правленію Царя Алексѣя Михайловича, Россія отдохнула и стала по прежнему царствомъ сильнымъ, богатымъ и самобытнымъ; почти вездѣ изгладились кровавые слѣды ея враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, и одно только изустное преданіе напоминало Русскимъ о нашествіи ино-племенныхъ, о грабежахъ буйныхъ полчищъ Трубецкаго, о разореніи Москвы, о постыдныхъ предательствахъ, измѣнахъ — и, можетъ быть, скоро всѣ эти казни Божіи, эти самозванцы, Поляки, междуусобія и крамолы, стали-бы имъ казаться какимъ-то смутнымъ, тяжкимъ сномъ, еслибъ вмѣстѣ съ кончиною Царя Θεодора Алексѣевича не возникъ снова этотъ духъ мятежа и безначалія, отъ которыхъ не рѣдко гибнутъ цѣлые народы и сильныя цар-

ства становятся добычею слабыхъ своихъ сосѣдей.

Отъ царствующаго рода оставалось только два сына Царя Алексѣя Михайловича: отъ перваго брака Царевичъ Іоаннъ, отъ втораго Петръ: — первый, едва вышедшій изъ дѣтства, вторый еще дитя. Рожденная отъ перваго брака старшая ихъ сестра, Царевна Софія Алексѣевна, была одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ своего времени, одаренная умомъ и способностями истинно необычайными; но въ то же время властолюбивая, хитрая и готовая пожертвовать всѣмъ для достиженія своей цѣли. Царевичъ Іоаннъ, юноша кроткій и благоразумный, но слабый здоровьемъ, отказался добровольно отъ своего наслѣдственнаго права, и десятилѣтній Петръ былъ единогласно провозглашенъ Царемъ Русскимъ. Это единоедержавное правленіе продолжалось только три недѣли. Царевна Софія, при помощи род-

ственника своего. Боярина Милославскаго, и другихъ приверженныхъ ей вельможъ, склонила на свою сторону московскихъ стрѣльцовъ. Они взбунтовались, побросали съ высокихъ каланчей, своихъ съѣзжихъ избъ, тѣхъ полковниковъ, которые старались удержать ихъ отъ мятежа, перерѣзали главныхъ своихъ начальниковъ, Князей Долгорукихъ — отца и сына, умертвили родственниковъ Петра, бояръ Нарышкиныхъ, Князя Черкаскаго, двухъ Князей Ромодановскихъ, только что возвратившагося изъ ссылки знаменитаго Артамона Сергѣевича Матвѣева, многихъ другихъ бояръ и сановниковъ — и потомъ силою возвели на престолъ, въ соцарствованіе Петру, брата его, Царевича Юанна, а сестру ихъ, Софію, объявили соправительницею — или вѣрнѣй сказать — правительницею Царства Русскаго, потому что сначала выходили указы за подписаніемъ ея и обоихъ

Царей, а въ послѣдствіи подписывала ихъ одна Софія Алексѣевна. Но этого было мало для властолюбивой Царевны; она предвидѣла, что власть ея не долго продлится. Десятилѣтній Петръ не походилъ на обыкновенныхъ дѣтей: на его юномъ и прекрасномъ челѣ лежала печать помазанника Божія. Избранникъ небесъ, переродитель Россіи, онъ и въ дѣтскихъ годахъ удивлялъ всѣхъ своимъ умомъ, твердостью и безстрашіемъ. Всѣ его ребяческія забавы, всѣ дѣтскія потѣхи имѣли высокую, безсмертную цѣль, которую, можетъ быть, отгадывала одна Софія. Еще нѣсколько лѣтъ и это порфирородное дитя будетъ самодержавнымъ, мочнымъ Царемъ, съ которымъ всякая борьба сдѣлается невозможною. Слѣдствіемъ этого предвидѣнія были безпрестанные мятежи, возмущенія стрѣльцовъ и заговоры, всегда клонившіеся къ тому: чтобъ погубить державнаго отрока Пет-

ра, который былъ не подъ силу Софѣ Алексѣевнѣ, не смотря на то, что ее называли премудрою.

Прежде чѣмъ я приступлю къ моему разсказу, мнѣ должно познакомить читателей съ тогдашнимъ единственнымъ въ Москвѣ сборнымъ мѣстомъ, или, если хотите, гуляньемъ всѣхъ праздныхъ людей, зѣвакъ, вѣстовщиковъ, охотниковъ до новостей, разныхъ промышленниковъ, а иногда и людей, имѣющихъ важные замыслы. Это гулянье, или лучше сказать сходбище, на которомъ, по словамъ иностранныхъ писателей, народъ толпился каждый день съ утра до вечера, это сборное мѣсто, напоминающее римскій форумъ — называлось, и теперь еще называется, Красной площадью; только нынѣшняя во многомъ не походитъ на прежнюю. Покровскій соборъ, то есть церковь Возсилья Блаженнаго, Лобное мѣсто и Спасскія ворота — вотъ все, что оста-

лось въ прежнемъ видѣ. Въмѣсто нынѣшнихъ красивыхъ и легкихъ Никольскихъ воротъ, возвышалась тяжелая четырехугольная башня съ небольшою вышкою и воротами, которыя также назывались Никольскими. Кремль отдѣлялся отъ Красной площади не такъ, какъ теперь, одной высокой стѣною, — ихъ было три, одна другой выше; надъ зубцами внутренней — то есть самой высокой стѣны, была мѣстами деревянная крыша, точно такая-же, какъ теперь надъ оградю Троице-Сергіевой Лавры. Выше кремлевскихъ стѣнъ блистали, какъ и теперь, главы соборовъ, монастырскихъ церквей и сіялъ въ вышинѣ золотый крестъ Ивана Великаго. Направо къ Никольскимъ воротамъ, за стѣною кремля, виднѣлась кровля дома Боярина Бориса Михайловича Лыкова; налѣво къ собору Василья Блаженнаго высоко подымались огромныя хоромы ближнихъ бояръ, Ивана Васильевича

Морозова и Князя Якова Куденетовича Черкасского. У Иверскихъ воротъ, которыя тогда назывались Куретными и Воскресенскими, существовала уже часовня Иверской Божіей Матери, разумѣется не теперешняя, а построенная въ 1666-мъ году по указу Царя Алексѣя Михайловича; нынѣшняя существуетъ съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ. Тогдашніе ряды, или Гостиный дворъ былъ кирпичный съ деревянными пристройками; онъ раздѣлялся на четыре двора: старый, новый, соляной и рыбный; въ первыхъ двухъ были ряды и амбары, въ послѣднихъ отдѣльныя лавочки, шалаши, балаганы и палатки. Лучшіе ряды были: Панской, Суровской, Фряжской и Венецейской. Кругомъ Лобного мѣста и по всей Красной площади разбросаны были также лавочки, шалаши и балаганы, въ которыхъ торговали шапками, рукавицами, всякимъ мелочнымъ товаромъ и съѣст-

ными припасами. Вблизи отъ Лобнаго мѣста стояло невысокое каменное зданіе, на плоской кровлѣ котораго лежали двѣ огромныя мѣдныя пушки — это былъ домъ Земскаго Приказа или Полиціи. Изъ двухъ улицъ, выходящихъ на Красную площадь, нынѣшняя Ильинка была замѣчательна тѣмъ, что на ней, подъ открытымъ небомъ, происходило то, что въ наше время дѣлается обыкновенно по домамъ или въ особенно заведенныхъ для того комнатахъ. На этой улицѣ стригли волосы и, вѣроятно, посѣтители этихъ воздушныхъ *salon pour la coupe de cheveux* были очень многочисленны. Олеарій, жившій въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, говоритъ, что въ этой улицѣ всегда лежали на землѣ остриженные волосы такими толстыми и густыми слоями, что проходящимъ казалось, будто бы они ходятъ по тюфякамъ.

Въ 1682 году, вскорѣ послѣ перваго

стрѣleckаго бунта, въ ясный лѣтній вечеръ, на Красной площади, на которой по обыкновенію толпился народъ, одинъ молодой человѣкъ стоялъ прислонясь къ наружной стѣнѣ лобнаго мѣста. Онъ былъ видный и прекрасный собою мужчина; его темно-голубымъ глазамъ съ черными рѣсницами, румянымъ щекамъ и мягкимъ шелковистымъ кудрямъ позавидовала-бы любая московская красавица; по его одеждѣ не трудно было отгадать, что онъ принадлежитъ къ числу младшихъ начальниковъ стрѣleckаго войска. Этотъ молодой человѣкъ смотрѣлъ задумчиво и съ примѣтной грустію на рабочихъ людей, которые спѣшили окончить кирпичный довольно высокій столбъ, сооружаемый на самой срединѣ площади; по временамъ онъ бросалъ также исполненный презрѣнья взглядъ на отвратительную толпу продавцевъ, которые почти всѣ были стрѣльцы. Они

явно и безъ всякаго опасенія продавали вещи, награбленные ими во время мятежа. Ихъ буйныя и дерзкія рѣчи, наглость, съ какою они зазывали, или лучше сказать, тащили къ себѣ покупателей, обидныя насмѣшки, которымъ подвергались всѣ мирные граждане, не желавшіе покупать добытый разбоемъ товаръ, угрозы и ругательства, которыми эти вооруженные торгаши осыпали бѣдныхъ купцовъ, торгующихъ съ ними на одной площади,—все изобличало этотъ буйный разгулъ ослѣпленныхъ удачею мятежниковъ; они безпечно предавались своей неистовой радости и веселію, а межъ тѣмъ надъ ихъ преступными главами собиралась Божія гроза. Никто изъ нихъ не помышлялъ о страшномъ днѣ отмщенія— а этотъ день былъ уже близко.

— «Что ты, горе богатырь, такъ призадумался?» сказалъ, подойдя къ этому молодому человѣку, стрѣлецкій

сотникъ пожилыхъ лѣтъ и вовсе не-
красивой наружности.

— « А здравствуй, Лутохинъ ! » про-
молвилъ какъ будто бы нехотя моло-
дой человѣкъ.

— « Я и не зналъ, что ты пріѣхалъ. » —
продолжалъ пожилой стрѣлецъ. — « Ну,
братъ, понаслышались мы о тебѣ ! ...
Поздравляю, Дмитрій Афанасичъ ! »

— « Съ чѣмъ ? »

— « Какъ съ чѣмъ ? ... Вѣдь ты, два
мѣсяца тому назадъ, поѣхалъ отсюда
въ Кострому къ своему дядѣ Семену
Яковлевичу Денисову. »

— « Ну да ! »

— « И не засталъ его въ живыхъ. »

— « Такъ ты съ этимъ-то меня позд-
равляешь ? »

— « Не съ этимъ, братецъ — Да вѣдь
онъ отказалъ тебѣ свое родовое помѣ-
стье. Ты теперь человѣкъ богатый. »

— « Да Богъ съ нимъ съ этимъ бо-
гатствомъ ! ... Покойный дядя былъ мнѣ

вмѣсто отца роднаго; кровныхъ у меня ни кого нѣтъ, Что я теперь? одинъ какъ перстъ!»

— «А другой-то дядя—Андрей Яковлевичъ Денисовъ?»

— «Этого я знаю только понаслышкѣ.

— «И я его никогда не видывалъ, а слыжать-то слыжалъ. О немъ идетъ много всякихъ рѣчей: Никоновцы зовутъ его еретикомъ, а тѣ изъ нашихъ, которые придерживаются старины, величаютъ столпомъ православія. Да гдѣ онъ теперь?»

— «Богъ вѣсть?... Покойная матушка сказывала мнѣ, что онъ сначала спасся въ Соловкахъ, послѣ жилъ за Онегою, а тамъ отправился на житье въ Стародубъ; а въ самомъ-то дѣлѣ, чай, никто не знаетъ гдѣ онъ теперь.»

— «Да, это правда. Мало-ли что про него болтають: говорятъ, что онъ часто и въ Москвѣ бываетъ.... да еще то—